

УДК 327:316.3

**Ю.А. Цырфа****РОЛЬ СОЦИУМА В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ  
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

В статье детально рассматривается существующая взаимосвязь между конструктом внешнеполитической идентичности государства и его социальной составляющей, которая является одним из основных факторов, влияющих на формирование идентичности. Доказано, что, опираясь на отдельные коллективы или группы, составляющие население конкретного государства, оно использует наличие угроз безопасности, существующих извне, с целью сплочения социума и становления позитивного восприятия политики государства, которая, будучи поддерживаема населением, придает властному механизму черты «биоомощества». В этой связи установлено, что, пытаясь реализовать свои интересы на международной арене, параллельно выстраивая идентичность собственного «Я», государство налаживает интеракции со значимыми для него «Другими». В результате существующие между ними различия постепенно исчезают или, наоборот, приводят к применению государством технологий самоконтроля либо самосвязывания с целью сохранения идентичности социума и, как следствие, его внешнеполитической идентичности.

**Введение**

Поскольку государство-нация уже в течение достаточно длительного времени считается ключевым актором международных отношений, первично феномен внешнеполитической идентичности рассматривается с точки зрения его государственной принадлежности, ведь и все остальные постулаты теоретизирования относительно развития мировой политики в первую очередь выстраиваются с учетом исключительного значения государственных игроков или зависимости определенных процессов от их развития. Становление Вестфальской системы международных отношений, которая легитимизировала первичность существования суверенных государств, способствовало замене исключительной власти церкви властными полномочиями отдельных суверенов [1, с. 43]. До подписания Вестфальского мирного договора 1648 г. абсолютное подчинение всех властных отношений церковным канонам нивелировало наличие определенных общественных различий на уровне отдельных социальных групп и, соответственно, созданных на их основе европейских государств. Поэтому, получив своеобразное «узаконивание» своего существования, после 1648 г. государства стали способными выстраивать их внешнеполитические идентичности как основной механизм репрезентации собственных «Я», природа которых наделяла их исключительной властью выявлять, представлять и нормализовать отдельные аспекты общественных отношений, базовыми для которых выступали имеющиеся социальные различия [1, с. 47].

В данной статье ставится цель проанализировать существующие взаимосвязи между социумом отдельного государства и его властным механизмом, а также определение роли, которую их взаимодействие играет в процессе конструирования внешнеполитической идентичности государственного актора международных отношений.

**Формирование взаимоотношений по оси «нация – государство»**

Считается, что Вестфальский мир продлил теоретический этап разрешения дилеммы баланса идентичности и различий, который приобрел очертания весомого фактора развития международных отношений как таковых, однако его подписание не стало своего рода переломным моментом для начала полного игнорирования влияния все еще

---

Научный руководитель – Е.А. Коппель, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

довольно существенного теологического фактора выстраивания международной политики. Первоначально роль государства сводилась скорее к своеобразному «тиражированию» достижений христианства в процессе выделения и защиты групповой идентичности, которая получила доминирующую роль по сравнению с существующими общественными различиями [1, с. 48]. Иными словами, суверенное государство перебрало на себя ранее присущую религии функцию, определив новые теоретические «ареалы» реконструирования своей идентичности. Однако все же был в корне реорганизован состав акторов, которые должны были представлять идентичности и различия отдельных обществ.

С появлением националистического дискурса, истоки которого все еще являются сомнительными с точки зрения современной теории международных отношений, суверенные государства приобретают характеристики государств-наций, которые перебирают на себя ключевую роль в политических взаимодействиях, возникающих на европейском поприще. В конце XIX в. каждая нация тяготеет к позиционированию своей группы в качестве этноса – самодостаточной, органической общности, которая характеризуется собственными четко определенными принципами развития, своего рода собственной «душой» [2, с. 591]. С точки зрения Э. Кедури, националистический дискурс видит человечество в роли естественного объединения наций с присущим набором исключительных признаков (существование которых может быть легко установлено), а единственно возможным типом легитимного управления считает национальное самоуправление [3, с. 9]. Данное положение, по сути, способствует признанию государств-наций как «естественных» и бесспорно «истинных» акторов современных международных отношений. Ведь само собой государство-нация тяготеет к трактовке его сущности на основе присущей ей национальной и территориальной целостности, основанной на предположении об абсолютизации существующей в ее пределах этнической гомогенности и предоставлении государству права политической репрезентации определенных общественных групп.

Современное развитие международных отношений доказывает существенность данного тезиса, устанавливая своеобразный баланс существования государства (как основного международного игрока) и народа, который всегда придерживается националистического дискурса развития. Учитывая интенсификацию мировых политических, экономических, социально-культурных и других связей, а также принимая во внимание углубление процессов глобализации, можно утверждать, что отдельные националистические идеологии пока неспособны удовлетворить большинство требований социума. Очень часто практическое применение националистического дискурса вызывает обратный эффект бытия отдельного народа, ведь существенно ограничивает выбор инструментария его существования исключительно идеологическими объектами, применение которых не обеспечивает постоянной поддержки развития той или иной общественной системы. Как следствие, невыполнение отдельных требований членов общества приводит к мобилизации социума с целью поддержки и укрепления механизмов существования государства-нации. Поэтому люфт, образующийся при гармонизации воли народа и сущности представительных механизмов государства, может быть существенно сужен.

Согласно точке зрения большинства теоретиков международных отношений, образование нации всегда является основой для создания реально действующего государственного механизма, поэтому идентичность «населения» государства выступает своеобразным базисом для легитимизации института государства и реализации его дальнейшей практической деятельности. Однако сегодня представители исторической социологии утверждают о первичном образовании государства как института, легитимизация деятельности которого происходит посредством конструирования нации и дальнейшей реализации идеологии национализма. Например, по мнению Б. Андерсона, любая нация

должна восприниматься в качестве «мнимого политического сообщества», существование которого подтверждается настолько, насколько оно может считаться своего рода культурным артефактом, представленным текстуально [4, с. 4–6]. Похожий тезис высказал и Ч. Тилли, утверждая, что ни одно скоординированное, иерархически выстроенное и территориально организованное сообщество не может считаться «национальным государством». По его мнению, незначительное количество существующих национальных государств смогли когда-то создать или сейчас становятся настоящими «государствами-нациями» – национальными государствами, суверенная территориализация которых безусловно скомпонована с первичными и основными факторами идентификации, которыми считаются религия, язык, символическое значение собственного «Я». Современные Великобритания, Франция и Германия (как и Соединенные Штаты Америки, Канада и Австралия) не могут считаться полноценными государствами-нациями, даже если они и выступают в роли национальных государств [5, с. 11–12].

В этом смысле важность понимания сущности национального государства заключается в его неизбежной парадоксальности как отдельного общественного образования, которое не характеризуется четко определенной стабильной идентичностью. Поэтому для любого государства характерным оказывается существование напряженности между отдельными группами, которые стремятся стать частью необходимого для его развития «мнимого политического сообщества», поддерживая, однако, оси собственных идентичностей, что, в свою очередь, приводит к выработке реакции на наличие первичной стабильной идентичности государства (а не ее конституирования). Иными словами, государство ни в коем случае не может являться завершенным сообществом: диссонанс, который существует между требованиями к конструированию его идентичности и ее практическим становлением, не может быть устранен в полном объеме, ведь перформативная природа такой идентичности не может быть выведена в абсолютных категориях. Данный парадокс внутреннего развития государства требует постоянного процесса его трансформации: не имея иного онтологического значения, кроме продуцирования значительного количества разнообразных практик, которые конституируют реальность развития государства, оно находится (и должно находиться) в процессе постоянного становления. Завершение практической деятельности государства, связанной с его позиционированием на международной арене, в обязательном порядке должно было бы привести к недостатку отдельных преддискурсивных основ, поскольку статичность означает его неизбежную гибель [1, с. 12]. Более того, попытки зафиксировать определенную модель государственной идентичности и окончательно определить угрозы процессу ее позиционирования на международной арене не могут перерасти в абсолютный комплексный процесс, который может быть успешно завершен. Так, по мнению Л. Алкофф, идентичность является той ценой, которую отдельный игрок мировой политической сцены должен уплатить за собственную субъектность [6, с. 322].

### **Формирование концепта «био-могущества» и его практическое значение**

Анализ деятельности государства на международной арене позволяет констатировать тот факт, что оно всегда реализует собственный политический курс вне заданной структуры, которая заложена путем теоретизирования относительно процесса формирования государства и механизма его функционирования, поэтому соответствующие действия данного актора не могут быть ограничены в развитии или направлении, ведь невозможность выявления государственной позиции на международной арене приводит к невозможности обеспечения безопасности актора и, как следствие, может оказаться причиной его окончательного краха. При возможности реализации такого сценария любые идентичности оказались бы «затвердевшими», все угрозы были бы уничтожены, а потребность в наличии стабильных властных структур и сфер использования

их силового воздействия могла бы просто исчезнуть. При условии абсолютной реализации спланированного проекта обеспечения безопасности отдельного государства, оно очень быстро прекратило бы свое существование. Безопасность как отсутствие развития оказалась бы причиной смерти государственного актора, вызванной состоянием статического существования. С другой стороны, невозможность государственного проекта безопасности гарантировать постоянное продвижение государства на международной арене приводит к стимулированию процесса становления или трансформации его внешнеполитической идентичности [1, с. 12].

Ощущение постоянного присутствия угроз международному положению государства само по себе не представляет опасности для идентичности или даже существования государства: оно является их прямой предпосылкой. Пока отдельные объекты имеют способность к изменению во времени, техника их позиционирования в качестве угроз развивается в пределах внешнеполитического курса каждого государства [1, с. 13].

С одной стороны, такая роль государства усугубила существующие общественные проблемы, способствуя игнорированию имеющихся различий в пользу теоретического утверждения гомогенности социумов. С другой же – восприятие существования государства как определенной данности безапелляционно требовало адаптации всех существующих общественных требований к определенным государственным нуждам и интересам. Поэтому социальная составляющая того или иного государства рассматривается с точки зрения своеобразного «народного взноса», сделанного в пользу поддержания мощности государственного механизма. Такой концепт «биомогущества» государственного актора сводит значение отдельных индивидов или определенных общественных групп исключительно к восприятию их роли в качестве своеобразного «рычага» поддержки процесса развития государства. Государственный контроль над общественным ресурсом, который способен сделать свой вклад в процесс реализации национальных интересов актора, стал рассматриваться в рамках теории международных отношений после появления концепта «биомогущества» и его дальнейшей разработки в рамках данного научного дискурса [7, с. 265]. Если принять во внимание длительную гегемонию рационалистической теории, присущую данной области знаний, можно с легкостью сделать вывод о доминировании концепта «биомогущества» исключительно в пределах теоретизирования о роли военной составляющей международных отношений. В любом государстве на общество возлагается ответственность за выполнение воинского долга в случае существования угрозы его национальным интересам или их нелегитимного нарушения. Поскольку в данном случае национальные интересы государственного актора *de facto* приобретают способность манипулирования потребностями социума, реалистическая парадигма международных отношений (которая, анализируя факторы, используемые государством в процессе борьбы за власть, наиболее значимыми считает именно применяемые военные средства) склоняется к объективизации обществ, выделяя их в качестве отдельного вида механизмов воплощения государственных интересов. Поэтому при условии доминирования в рамках науки о международных отношениях реалистической парадигмы знаний государство получает абсолютизированный приоритет над социумом, который рассматривается исключительно в качестве отдельного источника «биомогущества», необходимого для усиления мощи государственного актора в процессе развития мировых политических отношений.

Учитывая дальнейшее становление и развитие международных взаимодействий, можно предположить, что определение национальных интересов путем применения военных средств выступает внутренним процессом по отношению к конструированию внешнеполитической идентичности государства. Ведь формируя отдельное «общество безопасности», в рамках которого практическое выстраивание структур обеспечения национальной или социальной безопасности интенсифицирует и повышает значение

властных отношений, конституирует внешние или внутренние, природные или «патологические», цивилизованные или варварские этнические и территориальные границы, государство интегрирует общественные массы в систему собственного функционирования, опираясь на их существующий страх быть истребленными или поглощенными путем вмешательства со стороны другого актора международной сцены [1, с. 202]. Как результат, исповедание «идеологии страха», поддерживаемое государством и, в некоторых случаях, нацией, выступает в роли достаточно весомого манипулятора общественным сознанием, применяемого в процессе реализации национальных интересов [1, с. 49]. Кроме того, общественный страх может быть напрямую использован в качестве средства выведения определенной оценки значимости отдельных интересов государства: иницируя становление «угрозы смерти», государство получает легитимный базис для ведения военных действий. Фактически оно приобретает своеобразную монополию на распоряжение всеми аспектами жизнедеятельности общества. В ответ индивиды получают исключительные гарантии защиты их жизни и безопасности общества в целом. Иными словами, жизнедеятельность отдельных индивидов должна быть организована в соответствии с имеющимися потребностями того государства, которое данные индивиды считают своим сувереном. Поэтому потребность в выживании выступает первичным элементом конструирования взаимоотношений государства и общества. И современное государство приобретает очертания механизма трансформации его собственных угроз в опасности существования социума как такового. Эти опасности порождают чувство государственной принадлежности индивидов, ведь обеспечение их физической неприкосновенности в случае возникновения внешней угрозы создает среду перманентной стабильности и безопасности общества, которое, таким образом, подвергается процессам дальнейшей гомогенизации. Существующие оборонные дискурсы поддерживаются благодаря имеющейся возможности возникновения данных угроз. В этом ключе оборонные стратегии, конкретизированные благодаря практической реализации внешней политики, приобретают характеристики интегральной части идентичности государства как актора международных отношений. Гарантируя безопасность общества и, следовательно, освобождая индивидов от существующих предубеждений относительно имеющихся угроз, государство уменьшает вес проявлений индивидуалистических характеристик «Я» отдельных членов социума. Т.е. существующая вероятность гибели, которая подталкивает индивида к декларированию собственного «Я» как отдельной индивидуальности, выступает в роли своеобразного инструмента, предоставляющего государству возможность ограничивать, интернализировать и регулировать проявления индивидуальных «Я» [8, с. 18].

Граждане современных государств, по сути, участвуют в военных действиях для сохранения жизни всего населения. Ведь войны уже давно не ведутся во имя отдельного суверена, честь которого должна быть подпорчена полным поражением его войска: военные действия являются средством обеспечения существования каждого члена общества, которое может быть мобилизовано с целью полного уничтожения врага, представляющего угрозу физическому выживанию населения государства [7, с. 259–260]. Т.е. жизнь человека одновременно предстает в роли своеобразного «орудия», используемого государством для удовлетворения его собственных интересов, и конечной цели, для реализации которой члены общества соглашаются на ограничение их фактической свободы. Наличие государственной власти, которая может поставить под угрозу существование всего населения, является обратной стороной деятельности суверена касательно обеспечения перманентного выживания индивидов [7, с. 260]. Данная аргументация всегда выступала тем «шатким» базисом, на основе которого государство получало способность обеспечения собственной безопасности. Выстраивая образ врага, государство *de facto* питало ощущение смертельной угрозы среди населения, одновременно

пытаясь подавить имеющихся врагов для реализации определенных интересов. Ведь власть устанавливается и реализуется на уровне отдельных жизней, рас или широко-масштабных феноменов по типу населения [7, с. 260]. В данном контексте приобретают особое значение слова Ф. Ницше о «смерти в правильное время», поскольку в современном мире индивидуальное ощущение угрозы смерти может быть использовано в качестве инструмента для удовлетворения национальных интересов государства [8, с. 171]. Смерть сама лимитирует возможности реализации власти, ведь при жизни отдельные индивиды выступают своеобразным источником «биомогущества», ресурсы которого могут быть использованы от имени государства. Учитывая то, что население не имеет полной власти над собственной жизнью, ее развитие или прекращение регулируются исключительными национальными интересами государства, что, в свою очередь, обеспечивает конструирование, поддержку и трансформацию его существующей идентичности. Т.е. национальные интересы направляют индивидуальные действия в русло обеспечения существования идентичности государства, которая, в свою очередь, приобретает материальное значение, безапелляционно замещая отдельные групповые общественные идентичности. В данном смысле она, в принципе, может считаться абсолютной.

### **Сущность международных интеракций государственного «Я»**

С точки зрения А. Вендта, военные технологии и неправильно установленные режимы безопасности могут стать основой для выработки функционально эквивалентных суррогатов сдерживающей силы своеобразного Левиафана, уменьшая опасения государств касательно возможности их поглощения со стороны «Другого» и, как следствие, помогая им получить необходимые выгоды существования коллективной идентичности. Однако эти средства являются довольно несовершенным и временным вариантом решения проблемы доверия, ведь они не касаются ее непосредственно. В случае их использования во внешнеполитическом измерении государства не получают абсолютной гарантии того, что «Другие» откажутся от идеи поиска путей снижения влияния этих средств (например, вкладывая инвестиции в разработку технологий, способных нивелировать военное превосходство) или не будут нарушать норм существующего режима, если такие действия позволят им репрезентовать собственное «Я». Т.е. используя наружные средства давления, государства вынуждены постоянно учитывать, что «Другие» могут до определенной степени «раскрыть» их намерения и, как результат, поглотить их. Данный аргумент затрудняет идентификацию государства наряду с другими акторами, поскольку они не могут пользоваться полным доверием государства, которое должно в первую очередь удовлетворять интересы собственного «Я». Эта проблема препятствует формированию коллективной идентичности даже под защитой Левиафана, который, в понимании Т. Гоббса, не был способен сформировать общество, используя исключительно средства давления и удовлетворяя собственные интересы, что объективно делает ее опасней, чем возможность существования международной анархии [9, с. 359]. По этой причине Н. Элиас считает сомнительным существование самоконтроля в качестве основы цивилизации [10, с. 148–149]. Средства внешнего давления могут играть определенную роль при инициировании отношений доверия между сторонами, однако наличие коллективной идентичности предусматривает передачу «Другому» как минимум части ответственности за собственное «Я», что, в свою очередь, обычно требует и дальнейших действий [9, с. 359].

Такие действия основываются на уверенности в том, что «Другой» будет сдерживать реализацию собственных нужд, необходимых для удовлетворения его «Я». Если акторы убеждены в том, что другие игроки не имеют намерений относительно их дальнейшего поглощения или не будут делать этого, выходя за рамки удовлетворения собственных интересов, их совместная идентификация будет происходить на основе

высокого уровня доверия, ведь появится возможность проявления взаимного уважения к интересам сторон даже при отсутствии влияния внешних средств давления. С точки зрения А. Вендта, не выпуская из поля зрения непосредственную индивидуальность «Другого», следует иметь в виду, что самоограничение собственного «Я» дает возможность определенному «Другому» отказаться от его претензий на индивидуальность в пользу идентификации с данным «Я». Т.е. акторы делают возможным сближение с другими игроками, позволяя им идентифицироваться с собой, и, как следствие, сами идентифицируются с ними. Эти процессы не могут самостоятельно генерировать выработку коллективной идентичности, поскольку отсутствие положительных стимулов для идентификации самоограничения может в итоге привести к исчезновению доверия между контрагентами [9, с. 359].

Следующая траектория самоограничения может иметь место только в случае полного фиаско других акторов, проявляясь в виде самосвязывания [9, с. 362]. Самосвязывание заключается в попытке уменьшить беспокойство «Другого» касательно выявления намерений определенного «Я» через его односторонние инициативы, которые не предусматривают наличия специфического типа взаимности. В системе международных отношений, для которой характерным является самостоятельное регулирование собственной стабильности, проблема существования таких инициатив заключается в ее трактовке как таковой, поэтому основной задачей актора является воспроизведение жестов по отношению к «Другому», истинность которых может быть доказана путем уменьшения значения собственных интересов. Например, актор может в одностороннем порядке отказаться от определенных технологий (ситуация, когда Украина отказалась от арсенала собственного ядерного оружия после распада Советского Союза), оставить подконтрольные территории (как СССР поступил во время вывода войск из стран Восточной Европы и Афганистана), установить внутренние конституционные ограничения на использование силы за рубежом (в случае послевоенных Германии и Японии) или подчинить собственную внешнюю политику коллективным требованиям (как Германия, которая долгое время проводила свой внешнеполитический курс с помощью дипломатической деятельности Европейского Союза). Конечно, такое снижение собственной значимости имеет смысл только в случае полной уверенности государства в том, что в результате такой деятельности не будут нарушены его суверенные права, чего очень сложно добиться государствам, находящимся в составе саморегулируемых систем (что, в свою очередь, является причиной существования «дилеммы» безопасности). Таким образом, предпосылкой самосвязывания отдельных аспектов поведения государства должен стать «нисходящий» самоанализ его положения и угроз, которые существуют для него в данный момент. В результате подобной оценки ситуации государство должно осознать, что «достаточное количество» ядерных боезарядов является действенным средством для преодоления агрессии и дает ему больше возможностей, чем наличие паритета или определенных преимуществ, или что «Другой» не занимает настолько враждебной позиции, как считалось ранее, или что его враждебность зависит от определенных действий собственного «Я» данного государства. Последний аргумент предполагает наличие признания и скорейшего прекращения содействия актора собственным неудачам, что, в свою очередь, создает основу для выработки дилеммы безопасности, которая требует критического взгляда на собственную «самость» (*Me*) с точки зрения смежного социального «Я» (*I*) [9, с. 362].

Именно формирование т.н. социального «Я» отдельного государства напрямую требует приведения организации жизни общества в соответствие с существующими государственными требованиями, непосредственным результатом которого можно считать игнорирование важности существующих идентичностей в пользу единой идентичности государства. Однако выстраивание истинной идентичности происходит на фоне

существования ложного восприятия различий, истинность которых приносит в жертву все перспективы конструирования настоящей идентичности [8, с. 67]. Данный факт доказывает относительность определения первоначального значения идентичности или, наоборот, различий, существующих в обществе. Более того, он позволяет утверждать, что международные отношения как таковые содержат в своей основе субъективный базис, ведь в данное время концентрируются вокруг важности выделения современной идентичности государства. Таким образом, можно доказать и универсализм, присущий отдельным государствам-нациям, поскольку он может быть подтвержден наличием их определенных интересов.

Считается, что эпоха Модерна в полной мере унаследовала религиозный универсализм, который составлял основу международных интеракций Средневековья. В Новое время произошла подмена религиозных стереотипов своеобразной «универсальной причинностью», что не привело к существенным изменениям в рамках теоретического изучения международных отношений, однако способствовало полной замене акторского состава игроков, которые имели возможность пользоваться характеристиками универсальности. Т.е. международные отношения как таковые продолжали апеллировать к универсальности, присущей средневековым межсубъектным взаимодействиям. Соответственно, развитие универсального по своей природе дискурса национализма поддерживалось на фоне игнорирования разнообразия и отдельных индивидуальных особенностей. Значение различий как таковых нивелировалось в процессе становления единой идентичности государства-нации. Естественным следствием такой логики эпохи Модерна оказалась гомогенизация и полное стирание различий, имеющих в рамках отдельных обществ до образования государств-наций. Иными словами, становление государства привело к превращению разницы пространств в однообразие времени, которое трансформировало территории в традиции, а отдельные народы репрезентовало в качестве индивидов. Пороговым пунктом такой идеологической подмены считается преобразование отграниченных пространственными барьерами «внешних» территорий (которые всегда позволяли выделить «среду обитания «Других», отличив ее от внутреннего ареала существования общества) в единую темпоральную сферу развития традиций [11, с. 300]. Хотя для социума, который обладает способностью к выработке своего общего «Я», всегда будут существовать четкие разграничительные линии, определяющие внутренний и внешний ареалы его существования. Данный факт свидетельствует о наличии своеобразного механизма поддержки сконструированной идентичности государства, поскольку только на основе использования определенных эксклюзивных практик существования идентичности может быть гарантирована безопасность и стабильность внутренней среды государственного актора. Т.е. внешний ареал существования государства приобретает черты своеобразного «рычага», используемого для приоритизации процесса конструирования его идентичности. Соответственно, выстраивание идентичности государственного актора в обязательном порядке требует как нормализации соотношения определенных общественных различий, так и наличия внешней среды существования.

Согласно точке зрения Р. Деветека, идентичность государства можно считать эффектом, созданным, с одной стороны, благодаря существованию определенных дисциплинарных практик, которые пытаются нормализовать процессы общественной жизнедеятельности, обеспечивая ощущение единства социума, а с другой – благодаря внедрению эксклюзивных практик, направленных на обеспечение безопасности внутривнутриполитической идентичности на основе процессов пространственной дифференциации, поддерживаемых различными дипломатическими, военными и оборонными тактическими действиями. Следовательно, можно говорить о наличии дополнительной взаимо-



связи между сдерживанием внутренних и внешних «Других», которая помогает интенсификации процесса конституирования внешнеполитической идентичности [12, с. 198].

### **Заклучение**

Сконструированная идентичность государства одновременно исполняет роль фактора объединения и разграничения социума, поскольку ее способность к унификации отдельных групп напрямую зависит от властных полномочий, которые делают возможной дифференциацию общества. Идентичность государственного актора способствует как выработке чувства принадлежности членов общества, которое она характеризует, так и появлению чувства отчуждения для лиц, не считающихся жителями данного государства. По сути, такой порядок вещей является прямым условием существования внешнеполитической идентичности как отдельного феномена.

### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Campbell, D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity* / D. Campbell. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998. – 289 p.
2. Kumar, K. *Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective* / K. Kumar // *Theory and Society*. – 2000. – № 29:5. – P. 575–608.
3. Kedourie, E. *Nationalism* / E. Kedourie – New York : Praeger, 1960. – 176 p.
4. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson – New York : Verso, 1991. – 240 p.
5. Tilly, C. *Coercion, Capital and European States: AD 1990–1992* / C. Tilly – Cambridge : Blackwell, 1992. – 271 p.
6. Alcoff, L.M. *Who's Afraid of Identity Politics?* / L.M. Alcoff // *Reclaiming Identity: Realist Theory and the Predicament of Postmodernism* / P.M.L. Moya, M.R. Hames-Garcia (eds.). – Berkeley : University of California Press, 2000. – P. 312–344.
7. Foucault, M. *Right of Death and Power Over Life* / M. Foucault // *The Foucault Reader* / P. Rabinow (ed.). – London : Penguin Books, 1984. – P. 258–272.
8. Connolly, W.E. *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox* / W.E. Connolly – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1991. – 244 p.
9. Wendt, A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
10. Elias, N. *The Civilizing Process* / N. Elias – *State Formation and Civilization*, Vol. 2. – Oxford : Basil Blackwell, 1982. – 376 p.
11. Bhabha, H.K. *DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation* / H.K. Bhabha // *Nation and Narration* / H.K. Bhabha (ed.). – London : Routledge, 1990. – P. 291–322.
12. Devetak, R. *Postmodernism* / R. Devetak // *Theories of International Relations* / S. Burchill, A. Linklater (eds.). – New York : St. Martin's Press, 1996. – P. 179–209.

#### ***Tsyrya I.A. The Role of Society in the Process of State Foreign Policy Identity Construction***

The article considers the existing relationship between the construct of the state foreign policy identity and its social component which is one of the main factors influencing the formation of identity. It is shown that, based on proper collectives or groups which form the population of a particular state, the latter uses the security threats that exist outside in order to unite the society and to establish a positive perception of the state's policy, which, while being supported by the public, provides the authoritative mechanism with the features of «bio-power». In this regard, the author proves that, trying to realize its interests on the international arena and simultaneously build the identity of its own «Self», the state establishes interactions with the important «Others». As a result, the differences, existing between them, are gradually disappearing or, on the contrary, leading to the usage of the self-control or self-binding technologies by the state in order to preserve the identity of society and, consequently, its foreign policy identity.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.07.2013